

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

I

УДК 821.161.1

ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЕВАНГЕЛЬСКОГО СЮЖЕТА О ГАДАРИНСКОМ БЕСНОВАТОМ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

Наталья Васильевна Мокина
Саратовский государственный университет
nat.mokina2011@yandex.ru

В статье рассматриваются опорные мотивы в описании героев романа «Бесы» (бешенства, визга, топота, «полета вниз головой» и др.). Эти мотивы имеют евангельские коннотации и являются формами репрезентации сюжета о гадаринском бесноватом, основополагающего прецедентного текста романа.

Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», притча о бесноватом из Гадарина, формы репрезентации.

THE FORMS OF REPRESENTATION OF THE STORY OF THE DEMONIAK FROM GADARIN IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "DEMONS"

Natalia V. Mokina
Saratov State University
nat.mokina2011@yandex.ru

The article discusses the supporting motifs in the description of the Heroes in F. M. Dostoevsky's novel "Demons" (fury, screeching, stomping, flying head down, etc.). The motifs have Evangelical connotation and are forms of representation of the story about the Demoniac from Gadarin – the fundamental precedent text of the novel

Key words: F. M. Dostoevsky Demons, the Parable of the Demoniac from Gadarin, forms of representation

В «Бесах», как и в других романах Достоевского, Священное Писание и Священное Предание являются «основой и “частной”, и всеобщей истории» [Степанян 2007 : 217], включаются как метасюжет и

делают “происшествия”, случающиеся с героями, “событиями”, происходящими пред лицом Христа, в присутствии Христа <...>» [Тарасов 2007: 534].

«Идеологическим ключом» [Чирков 1967 : 181; Сильвестроне 2001: 91] к роману и к теме беснования исследователи признают евангельскую притчу о гадаринском бесноватом, ставшую эпиграфом и получившую «русские» смыслы в размышлениях Степана Трофимовича Верховенского. Выслушав «одно место ... о свиньях» из Евангелия, герой Достоевского говорит: «<...> это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! <...>» [Достоевский 1990 : 610].

Одержимыми бесами он считает и себя, и сына Петра, и многих русских людей, уподобляя их евангельским свиньям, а Россию — бесноватому, хотя и верит в то, что «великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности, ... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша ... et les autres avec lui, и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и “сядет у ног Иисусовых”... <...>» [Достоевский 1990 : 610–611].

Однако параллели между изображенными в романе событиями и сюжетом о бесноватых не только эксплицируются: евангельский сюжет становится «сквозным» в романе о «безумных и взбесившихся», объединяя эмпирический и метафизический планы, и его знаки можно увидеть на разных уровнях текста, в том числе в опорных мотивах, сопутствующих героям, в психологических рисунках образов как главных, так и второстепенных персонажей.

Одержимость человека бесами действительно становится «специальным предметом исследования» [Чирков 1967 : 160]: Достоевский анализирует «причины одержания России духами безбожия и своеволия» [Иванов 2007: 337], описывает приметы одержимости, ее проявления и страшные последствия беснования.

Причины «одержания» России автор «Бесов» видит в «разрушительных инстинктах», которые «таятся во всякой душе, даже в душе самого смиренного титулярного советника» [Достоевский 1990 : 408], и в воздействии на человека веяний времени, и в ошибках «отцов», старшего поколения. Но источником зла, внешнего и внутреннего, для Достоевского (что признают, правда, далеко не все исследователи романа) оказываются и «темные силы из иных “планов”

бытия, иных миров» [Булгаков 1996 : 493]. Такое понимание причин беснования включает роман Достоевского в разножанровый литературный контекст, представленный легендами, возникшими на основе народной демонологии, древнерусскими повестями о бесноватых [Лотман 1974 : 307–308], житиями святых [Кавацца 2016 : 196–222], трагедией Гёте «Фауст», пушкинским стихотворением «Бесы» и другими произведениями, герои которых или ощущают присутствие демонических сил, или оказываются в их власти.

По справедливому наблюдению исследователей, автор романа «Бесы», опираясь на «национальную традицию переосмысления концепта “бесовство” в русской картине мира», расширяет его «аксиологическое поле» [Булгакова, Седельникова 2018 : 140, 127]. Это расширение происходит «благодаря вербализации в ближайшей периферии признаков, которые в национальной картине мира актуализируются в периферии дальней» [Булгакова, Седельникова 2018 : 140].

Но, безусловно, Достоевский находит и другие приемы, позволяющие ему создать картину жизни России, оказавшейся под властью демонических сил. Описывая одержимых «духами безбожия и своеволия» [Иванов 2007 : 337] героев, автор «Бесов» актуализирует и традиционные (для фольклора и произведений древнерусской, русской и западноевропейской литератур) приемы изображения нечистой силы. Так, «безумные и взбесившиеся» герои Достоевского называются не только «чертями» и «бесами» («бесенятами») [Булгакова, Седельникова 2018 : 130–134], но и «шутами» (Петр Верховенский, Степан Трофимович, Лебядкин, Лямшин и др.) [Достоевский 1990 : 232, 254, 289, 309 и др.] — определением, которое, в соответствии с национальной традицией, устойчиво указывает на «чёрта».

Традиционно демонические коннотации имеют в романе и опорные мотивы в описании героев: они отмечены «медиумичностью» [Булгаков 1990 : 492]: их «живое я» «парализовано», заменено чужою волей [Иванов 2007 : 335–336], им сопутствуют характерные для описания демонических сил мотивы кружения и вихря, хромоты, самозванства, ряженья, оборотничества [Сараскина 1990 : 135, 264].

Создавая образ «беснующейся провинции» (по выражению В. Туниманова), Достоевский отмечает и как один из главных признаков «повальной психической эпидемии», охватившей страну [Чирков 1967: 149] (или «повальной» одержимости русских людей бесами), «дикое» веселье, устойчиво в русской культуре отождествляемое с «бесовством» [Панченко 2008 : 150]. «<...> Все тогда только хохотали и тешились, а останавливать было некому» [Достоевский 1990 : 301], — свидетельствует Хроникер. Мотивы веселья и смеха доминируют в ключевых эпизодах романа. Веселым смехом или хохотом отзываются

«насмешники» на известия об очередной семейной драме, о бегстве Лизы к Ставрогину, о помешательстве губернатора фон Лембке и проч. «Разумеется, все хохотали», «все смеются» [Достоевский 1990 : 303] — это лейтмотив в описании «здесьних нравов».

Насмешливость — традиционная в русской культуре примета беса — сопутствует описанию и основных героев романа. «Всегдашняя усмешка» на лице Петра Верховенского [Достоевский 1990 : 287], которого исследователи уподобляют Мефистофелю [Иванов 2007 : 336] или определяют как «беса-нигилиста» [Туниманов 1972 : 93]. Петр Степанович, свидетельствует хроникер, «обыкновенно» «никогда не казался серьезным, всегда смеялся, даже когда злился <...>» [Достоевский 1990 : 460]. О постоянном смехе Петра Верховенского говорит и его отец: «Il rit. Il rit beaucoup, il rit trop» [Достоевский 1990 : 204]. «Заряжен смехом» и Ставрогин [Достоевский 1990 : 278], интерпретируемый исследователями как «воплощение “великого и грозного духа” тьмы», явленного «в процессе его превращения в реальную человеческую личность, исторически и социально определенную» [Лотман 1974 : 308] или как «великого грешника, насмерть отравленного своей виной» [Назирова 2013 : 80].

Характерно, что загадочный период жизни Ставрогина, кульминацией которого становится брак с юродивой, Пётр Верховенский называет «насмешливым» [Достоевский 1990 : 179]. В последние недели жизни Ставрогина «официальная усмешка» сменяется у него «ужасным» желанием смеяться, «все смеяться, непрерывно, долго, много» [Достоевский 1990 : 278].

И другие жители города постоянно смеются или хохочут. Иногда весёлые сцены напоминают «дьяволов водевиль», прежде всего, сцена бала, где участвуют «весёлый люд», «чрезмерно весёлый» Верховенский и «развесёлые дамы» [Достоевский 1990 : 471]. Демонизм веселой сцены и эксплицируется, когда Хроникер сравнивает бал с «адам» [Достоевский 1990 : 478].

Демонические коннотации обретают в романе и мотивы, в которых содержатся явные аллюзии на евангельский сюжет: имплицитно они уподобляют героев евангельским свиньям, в которых вошли бесы и которые бросились в озеро, и позволяют говорить о том, что героям «суждена роль гадаринских свиней, то есть слепых орудий злой силы» [Булгаков 1990 : 492]. Это мотивы срыва и полета с крутизны вниз [Чирков 1967 : 160–161], бешенства, визга и топота, причем мотив визга содержит и аллюзии на изображение бесов и одержимых бесами героев древнерусских повестей, прежде всего, «Повести о Соломонии Бесноватой», где описываются «темные души», живущие во «чреве» героини: они «вопиют яко же малии свинии», то есть визжат [Русская бытовая повесть XV – XVII вв. 1991 : 188].

Мотив визга настойчиво повторяется в описании поведения героев «Бесов», как главных, так и второстепенных. Например, Степан Трофимович Верховенский в роковые сентябрьские дни «с какими-то взвизгами» рассказывает об обыске в его доме [Достоевский 1990 : 406]. Само его скандальное выступление на празднике заканчивается визгом, и «визжит» он «без толку и без порядку», обращаясь к «смеющимся» [Достоевский 1990 : 454].

«Визжат» и другие персонажи — Липутин, губернатор фон Лембеке, Виргинский [Достоевский 1990 : 204, 411, 426 и мн. др.], Прасковья Ивановна, мать Лизы [Достоевский 1990 : 155, 156], дамы в келье у старца [Достоевский 1990 : 315] и проч. Характерно, что и Хромоножка, образ которой вызывает споры и которая интерпретируется как персонаж, отмеченный двойственностью (и как «отблеск немеркнущего света “Девы и Матери”», и как «медиум», хотя и недоступный «силе злобы» [Булгаков 1990 : 494]), тоже «визжит» [Достоевский 1990 : 264]. Её «ежедневные припадки» — именно «визг» [Достоевский 1990 : 94].

«Победоносный визг» описывается как устойчивая реакция тех, кого Петр Верховенский относит к «нашим», к своим единомышленникам [Достоевский 1990 : 205]. Как характеризующая устойчивая примета одержимых героев визг упоминается в описании молодого поколения, которое дает Степан Трофимович Верховенский: он сравнивает молодых людей с визжащими на солнце щенками. «Посмотрите на них внимательно, — говорит он, — они кувыркаются и визжат от радости, как щенки на солнце, они счастливы, они победители!» [Достоевский 1990 : 204]. Но несомненные евангельские аллюзии на одержимых бесами свиней придают «победоносному визгу» [Достоевский 1990 : 205], который сопутствует описанию всех «наших» в романе, отчетливо демонический смысл. Неслучайно мотив визга звучит в тех сценах, где властвует мефистофелевский дух разрушения и отрицания. «Рады, визжат» — такова реакция офицеров, которым Петр Верховенский «Бога раскассировал» [Достоевский 1990 : 215]. С «визгом» бросается на командира поручик, который незадолго перед дикой сценой топором разрубил икону [Достоевский 1990 : 326]. Завершается «невероятным визгом» Лямшина и сцена убийства Шатова [Достоевский 1990 : 563–564].

Такие «неистовые» герои и называются «визжащими» [Достоевский 1990 : 287]. Сама форма слова указывает на «визг» как на постоянный признак человека, а семантика слова, сохраняющая и прямое значение, обретает и дополнительные — демонические коннотации, формирует своего рода свернутый евангельский сюжет.

Евангельские коннотации содержит, думается, и мотив топотания ногами, также имплицитно уподобляющий героя бегущим гадаринским

свиньям. Не только визжит, но и топчет ногами Степан Трофимович, испуганный обыском в его доме [Достоевский 1990 : 406]. Топчет ногами по ковру и визжит «рассвирепевший от ярости» губернатор [Достоевский 1990 : 412, 419]. Визжит «без умолку и без перерыва» и «мелко топчет» ногами по земле, «точно выбивая по ней барабанную дробь», и Лямшин после убийства Шатова [Достоевский 1990 : 563], также напоминая одержимых бесами гадаринских свиней.

Такие же евангельские коннотации обретает в романе и метафора «удержать у бездны». Так, описание планов жены губернатора «удержать молодежь у бездны», в которую их толкает «нетерпимость» старшего поколения [Достоевский 1990 : 284, 325], в контексте романа воспринимается как проекция на евангельский сюжет. Эта метафора выступает как слагаемое своего рода микросюжета о «срывании» (или «полете вниз головой» [Достоевский 1990 : 242], броске с крыши [Достоевский 1990 : 429]), который сквозит в повествовании обо всех «наших», и именуемых «срывающимися» [Достоевский 1990 : 503].

Нередко мотивы срыва-полета-падения в описании поведения героев соединяются с мотивом безумия, еще очевиднее акцентируя соотнесенность с сюжетом о гадаринском бесноватом. Например, с человеком, бросающимся с крыши, сравнивается в ключевых эпизодах романа Лиза Тушина [Достоевский 1990 : 429]. Когда она бежит к месту убийства Лебядкиных, она напоминает летящую «не зная куда» птицу [Достоевский 1990 : 500], как «безумная», она бежит «через поле» [Достоевский 1990 : 500]. Но и ее убийцей становится один из «срывающихся»: тихий мещанин, «он вдруг как бы срывался и куда-то летел, если что-нибудь известным образом поражало его» [Достоевский 1990 : 503].

Наиболее последовательно звучит в «Бесах» мотив безумия. В романе Достоевского он соотносится почти со всеми персонажами: Ставрогиным, Петром Верховенским и его отцом Степаном Трофимовичем, капитаном Лебядкиным и его сестрой и др. Если воспользоваться выражением Варвары Петровны Ставрогиной, можно сказать о героях романа: «Рехнулись они все» [Достоевский 1990 : 159]. Но их странные поступки — проявления не столько болезни, сколько знаки хаоса и зла, овладевших героями.

Все эти, а также и другие мотивы, указанные исследователями (самозванства, ряженья, маски, неподвижности и проч.), являются важными слагаемыми темы беснования, позволяя автору создать, с одной стороны картину «повальной психологической эпидемии», с другой – представить «неистовых» персонажей одержимыми бесами и показать вечную актуальность евангельских сюжетов.

Список литературы

Булгаков С. Н. Русская трагедия // «Бесы»: антология русской критики / сост. Л. Сараскина. М.: Согласие, 1996. С. 489–507.

Булгакова Н. О., Сидельникова О. В. Концептосфера романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: к определению базового концепта и его функции в поэтике романа // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2018. № 54. С. 125–146.

Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. Т. 7. Л. : Наука, 1990. 848 с.

Кавацца А. Житие святого Антония как вероятный источник изображения сил зла в «Бесах» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. Вып. 14. С. 196–222.

Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (истоки и эстетическое своеобразие). Л. : Наука, 1974. 348 с.

Назирова Р. Г. Материалы к монографии о романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Назировский архив. 2013. № 2. С. 7–83. [Электронный ресурс]. URL:<http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php>. (дата обращения: 10.04.2023).

Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб.: Изд-во газеты «Звезда», 2008. 544 с.

Русская бытовая повесть XV – XVII вв. / сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Ужанкова. М. : Совет. Россия, 1991. 443 с.

Сараскина Л. «Бесы»: роман-предупреждение. М. : Совет. писатель, 1990. 478 с.

Сильвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского / пер. с итальянского. СПб.: Академ. проект, 2001. 186 с.

Степанян К. А. «Реализм в высшем смысле» и XX век // Достоевский и XX век : в 2 т. / под ред. Т. А. Касаткиной. Т. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 217–243.

Тарасов Ф. Б. Бахтинская концепция диалогизма Достоевского в свете Евангельских основ творчества писателя // Достоевский в XX веке: в 2 т. / под ред. Т. А. Касаткиной. Т. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2007. С. 528–535.

Туниманов В. А. Рассказчик в «Бесах» Достоевского // Исследования по поэтике и стилистике. Л. : Наука, 1972. С. 87–162.

Чирков Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. М. : Наука, 1967. 303 с.